

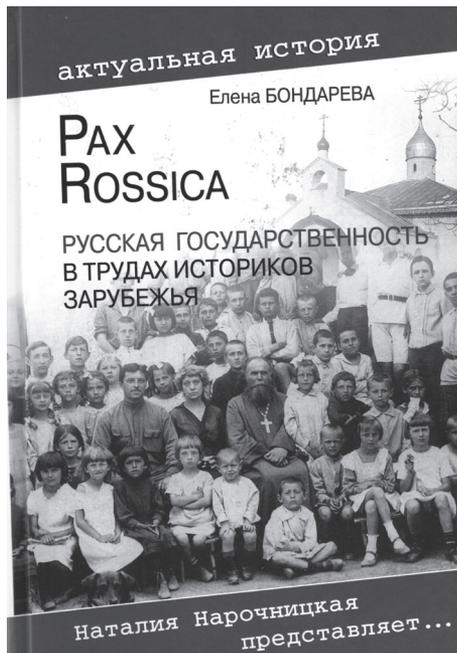
ОЛЕГ АУРОВ

В битве за историю

История первой волны русской эмиграции, тех, кто не по своей воле покинул родную землю после Гражданской войны, до сих пор остается кровоточащей раной нашей национальной памяти. Уже поэтому можно не сомневаться, что книга кандидата исторических наук Елены Анатольевны Бондаревой, директора общественных и издательских программ «Фонда исторической перспективы», возглавляемого Н. А. Нарочницкой, несомненно найдет благодарного читателя.

Интерес к судьбам русской эмиграции тем более закономерен, что, пожалуй, только сейчас мы стали действительно способны к спокойному и вдумчивому осмыслению крестного пути «другой России». Ведь в далеком уже 1920 году одни современники событий верили, что вскоре вернуться, что большевистский режим не может существовать долго, и были свято убеждены в своей правоте. Другие, оставшиеся в России, столь же непоколебимо верили в противоположное и уповали на торже-

Е. А. Бондарева. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М., «Вече», 2012. 448 с., илл. (Актуальная история).

ство идей Третьего Интернационала. Большинство же — и по ту, и по эту сторону границы — просто выжило, боролось за кусок хлеба и не думало о трансцендентальном.

А потом пришла Вторая мировая. Победа Советского Союза подвела окончательную черту под идеями «белого» рванша, а сама эмиграция перестала существовать как единое целое. Одни дискредитировали себя связями с нацистами, другие признали правоту «красных», а третьи (таких было большинство) просто тихо доживали свой век — по ту и по эту сторону океана. «Другая Россия» исчезла как единый образ — тот, который в

наиболее полном виде был представлен в межвоенной (или «первой») Югославии и о котором, собственно, и идет речь в книге Е. А. Бондаревой. На этом фоне остается только поражаться силе провидения цветаевских слов — на реплику «Через десять лет забудут!» в 1928-м она бросила: «Через двести — вспомнят!» И оказалась даже более права, чем могла подумать: вспомнили, когда не прошло еще и столетия.

АУРОВ Олег Валентинович — доцент, кандидат исторических наук.

Сегодня мы знаем о «белой» России, пожалуй, столько же, сколько о России «красной». Однако до сих пор не обрел решения вопрос о месте Гражданской войны в современной русской истории. Если для одних исследователей внимание к наследию «белого» движения мотивировано лишь стремлением воздать должное павшим, то другие (в том числе — и Е. А. Бондарева) полагают, что это наследие сохраняет свое значение и для современной России. Отсюда — замысел и структура рецензируемой книги.

Свой труд автор рассматривает прежде всего как средство популяризации одной из значимых составляющих теоретического и духовного наследия русской эмиграции — представлений о русской государственности, отраженной в трудах виднейших ученых-историков, после 1920 года осевших в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (позднее — Королевство Югославия). Уже на первых страницах работы автор отмечает: «Каждая из публикуемых в настоящем издании работ представляет собой подлинный научный шедевр и, по сути дела, является концептуальным ядром для будущих развернутых исследований по этим по-прежнему актуальным и мало исследованным проблемам» (С. 5).

Учитывая, что в современной России имена историков-эмигрантов в массе своей остаются неизвестными практически никому, кроме узких специалистов, Е. А. Бондарева не ограничивается лишь биографическими справками, а предваряет публикацию текстов, созданных 80—90 лет назад, пространным очерком истории «русской Югославии» 1920—1930-х годов, озаглавленным «Подскипетром православного монарха» (см. С. 7—166). Его содержание позволяет более полно и адекватно понять материалы, помещенные во второй части монографии, отобранные автором сочинения виднейших представителей белградской «диаспоры» русских историков — Федора Васильевича Тарановского (1875—1936), Александра Васильевича Соловьева (1890—1971), Владимира Алексеевича Мошина (1894—1987) и Евгения Васильевича Спекторского (1875—1954).

Первая часть наполнена интересным и достаточно свежим фактическим материалом. Е. А. Бондарева далеко не первая обратилась к изучению истории интел-

лектуальной жизни русской диаспоры в межвоенной Югославии, однако именно ей удалось создать целостную картину «другой России» на Балканах. Представлены как факторы, предопределившие расцвет научного творчества русских ученых-эмигрантов (апогей которой связан с созданием и деятельностью Русского научного института в Белграде), так и полный спектр всех учреждений, так или иначе связанных с русской наукой в Югославии, — образовательных, церковных и собственно научных. Подчеркивается, что, благодаря личному покровительству югославского монарха Александра I Карагеоргиевича (1921—1929) (титул которого автор неизменно пишет с большой буквы — Король), а также позитивному отношению как элит, так и значительной части населения межвоенной Югославии, русские специалисты-эмигранты не сталкивались с препятствиями в своей работе. Более того, в условиях дефицита национальных кадров в разоренной войной стране многие из этих специалистов (включая гуманитариев) сумели трудоустроиться по специальности, что было большой редкостью за пределами Югославии. В университетах небольшой страны — Белградском, Загребском и Люблянском — нашлось место для многих представителей русской гуманитарной интеллигенции (см. С. 63), которые не только не испытывали острых материальных проблем, но и могли полностью посвящать себя профессии.

Статистика, приводимая Е. А. Бондаревой, говорит сама за себя. Так, в 1924 году в университетах и специальных высших учебных заведениях небольшой Югославии (в то время — еще Королевстве сербов, хорватов и словенцев) трудилось 374 русских преподавателя, тогда как в соседней Болгарии — 161, Финляндии — 126, Чехословакии — 109, а во всей Германии — 42 (см. С. 395). Эти цифры в полной мере соотносятся с судьбами тех четырех историков, о которых шла речь выше. Так, историк русского и славянского права Ф. В. Тарановский, ученик знаменитого Ф. И. Леонтовича, в прошлом — приват-доцент Варшавского университета, профессор Демидовского лицея в Ярославле, Юрьевского и Петроградского университетов, по прибытию в Югославию в 1920-м

стал профессором истории права славянских народов. Другой видный историк (и философ) права Е. В. Спекторский (к началу Гражданской войны — ректор Киевского университета им. св. Владимира и декан Юридического факультета этого университета) уже в 1920-м получил место профессора Белградского университета, относительно краткое время (1924—1927) совмещая эту должность с профессорством в Карловом университете в Праге.

Гораздо более молодой по возрасту, чем названные выше его коллеги, А. В. Соловьев, в качестве приват-доцента преподававший в Москве, Варшаве и Ростове-на-Дону (куда в 1915-м был эвакуирован Варшавский университет), уже в начале 1920-х годов оказался в числе сотрудников Юридического факультета Белградского университета. Что же касается В. А. Мошина, то он, ушедший добровольцем на фронт в 1914 году после окончания первого курса Петроградского университета, не сумел получить законченного высшего образования на родине. Впоследствии два семестра он учился на Историко-филологическом факультете Тифлисского университета и около двух лет — в Археологическом университете (Киев). Присоединившись к «белым» лишь в августе 1920 года, он уже вскоре оказался в эмиграции и был вынужден сдать экстерном за курс университета.

В дальнейшей судьбе В. А. Мошина показательно не только то, что квалификационные экзамены ему оказалось легче всего сдать в Белграде, но и сам состав экзаменационной комиссии, собравшейся под председательством Е. В. Спекторского. Древнюю историю у соискателя принимал востоковед, блестящий знаток древних языков М. А. Георгиевский (1888—1950); Средние века — известный историк русской и византийской церкви А. П. Доброклонский (1856—1937); историю Нового времени — Г. Е. Афанасьев (1848—1925), историк Франции, в прошлом — профессор Новороссийского университета (Одесса); русскую историю — названные выше Ф. В. Тарановский и А. В. Соловьев; историю славян — известный славист, в прошлом — преподаватель Варшавского и Харьковского университетов А. Л. Погодин (1872—1947); а историю философии — В. В. Зеньковский (1881—1962), имя которого не нуждается в комментарии (см. С. 328—329). Этот пе-

речь — наглядное свидетельство уровня русской науки в межвоенной Югославии. Вернусь, однако, к биографии В. А. Мошина. За плечами молодого ученого не было громкого имени, педагогического и научного опыта. Однако и он в конечном итоге получил работу по специальности: с 1930 года — в Белградском университете, а в дальнейшем преподавал в Загребе и Скопье; столица Македонии стала местом его последнего упокоения.

Важно обратить внимание на тот факт, что деятельность русских ученых (в том числе — историков) протекала в условиях активной русской культурной жизни. Е. А. Бондарева наглядно показывает, что в межвоенной Югославии сложилась настоящая «другая Россия»: столь всесторонней и интенсивной культурной жизни не знала, пожалуй, никакая другая ветвь русской диаспоры. В Белграде работали русские художники и архитекторы (см. С. 32—37), шли спектакли русских театральных трупп (включая оперные и балетные) (см. С. 37—42), творили писатели и поэты (см. С. 42—52), русские издательства публиковали (по-русски!) самую разную литературу — от художественной до научной и научно-популярной (см. С. 42—53). Центром культурной жизни диаспоры являлся монументальный «Русский Дом имени императора Николая II», где размещались Русский научный институт, публичная библиотека с архивом и издательской комиссией, музеи «императора Николая II, русской конницы, мужская и женская гимназии, музыкальное и художественное общество, мастерские, профессиональные союзы, театр и другие образовательные и культурные учреждения.

Активной была и общественно-политическая жизнь: в межвоенной Югославии действовало около 30 общественно-политических объединений (см. С. 54—59). Показательно, что изначально в своем большинстве сочувствовавшие «демократии» в самом ее широком («февралистском») понимании, в дальнейшем представители «белого» движения, разочарованные сокрушительным поражением, перешли на монархические позиции — с той лишь разницей, что одни придерживались традиционно-консервативного направления, а другие (кстати, явно не находившиеся в большинстве) мечтали о монархии парламентского типа.

Обращение к текстам историков, бережно собранных Е. А. Болдыревой, показывает, однако, что реальная картина была много более сложной. Во всяком случае, монархические представления осевших в Югославии историков-эмигрантов не отличаются последовательностью и четкостью сложившейся политической программы. Не пересказывая содержания их сочинений, отмечу, что в последних монархия предстает скорее как обобщенный политико-этический идеал, чем как реальный политический строй. Это тем более странно, что трое из четырех историков, о которых идет речь, — Ф. В. Тарановский, Е. В. Спекторский и А. В. Соловьев — являлись в первую очередь историками права, профессиональными юристами, от которых сложно было ожидать склонности к консервативным утопиям.

И тем не менее это так. В частности, явно архаичными для своего времени выглядят утверждения Ф. В. Тарановского, настаивавшего на том, что «неизменным в понятии самодержавия оставалось и остается лишь начало непроизводности верховной власти царя, т. е. самостоятельность монархического принципа. Сущность же последнего заключается в начале иерархии, строящейся сверху и исходящей от Бога, в котором власть получает свое трансцендентное обоснование» (С. 190). Дон Кихотом, сражающимся с ветряными мельницами, кажется Е. В. Спекторский, критикующий либерализм с позиции консерватора XIX века. Порой он явно ломится в открытую дверь, как, например, в замечании о том, что «если сопоставить либерализм с фактами, то окажется, что это не более как теория, во многих отношениях существенно расходящаяся с действительностью. И правовая, и политическая, и хозяйственная жизнь гораздо сложнее, чем это утверждают либералы» (С. 421). Ибо стоит ли удивляться тому, что жизнь изначально сложнее, богаче любой, даже самой современной политической доктрины?

На этом фоне весьма показательной представляется та эволюция, которую претерпели взгляды историков-эмигрантов более молодого поколения — А. В. Соловьева и В. А. Мошина. Первый, предстающий в своей «Святой Руси...» скорее восторженным публицистом, чем трез-

вым исследователем, начинал с упоения консервативным идеалом, в рамках которого «отенок святости набрасывается не только на землю, но и на народ русский, и даже на государство русское» (С. 234). Затем была тяжелая жизнь, репрессии конца сороковых, вторая эмиграция, новая борьба за научное признание, на этот раз — в далекой Швейцарии. И — полный отход от политической борьбы, занятия сугубо академическими сюжетами, а также (между прочим) определенное признание в среде советских коллег, с которыми он состоял в переписке в последний период жизни и в периодических изданиях которых публиковался с 1940-х.

Что же касается В. А. Мошина, то он не противопоставлял себя родине даже в начальный период эмиграции. Уже в 1930-х годах он состоял в переписке с рядом видных советских ученых, в частности — с выдающимся советским византиноведом В. Н. Бенешевичем (1874—1938). После прихода к власти югославских коммунистов историк получил советское гражданство (1947 год) и даже подумывал о возвращении. Остановила лишь невозможность совмещать в СССР служение Церкви (в 1942-м он был рукоположен в диаконы, а в 1947-м, уже в сане протопресвитера, перешел под юрисдикцию Московской патриархии) и академическую деятельность. Тем не менее в последующий период В. А. Мошин неоднократно приезжал в СССР, не в силах лишить себя «дорогого, родного города, ...его морского воздуха, чарующей набережной, весеннего жасмина» (С. 343). Любовь к родине оказалась сильнее скептического отношения к советскому строю? Или пришло понимание того, что даже самые великие и талантливые — ничто вне родной земли? Предпочту оставить эти вопросы без ответа.

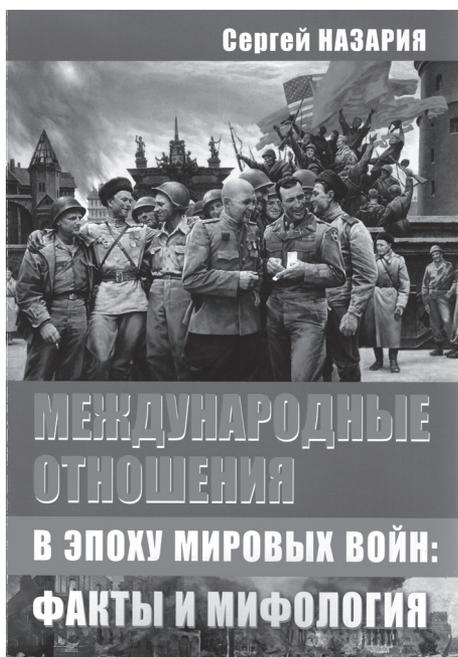
И последнее. Можно принимать или не принимать точку зрения Е. А. Болдыревой, согласно которой теоретическое наследие эмигрантской историографии является не только неотъемлемой частью сокровищницы отечественной историко-политической мысли, но и арсеналом идей, значимых не столько для прошлого России, но и для ее будущего. Но нельзя не поблагодарить ее за обращение к одной из незаслуженно забытых страниц истории русской культуры. ◆

Молдавский историк и политолог, специалист по истории международных отношений Сергей Михайлович Назария (Sergiu Nazaria) выпустил книгу, жанр которой определить достаточно сложно. Порой (особенно — в первых главах) она напоминает справочник, порой — научную монографию в ее классическом смысле. Тем не менее с начала и до конца текст, наполненный обильным, тщательно отобранным и выверенным фактическим материалом, читается с неослабевающим интересом. Своей цели автор не скрывает. Он считает

нужным предельно откровенно и аргументированно высказаться о событиях, которые «связаны не только с элитами, но и с сотнями миллионов простых людей, среди которых в 1941—1945 гг. были и около 400 тысяч уроженцев Молдовы, мобилизованных в Красную Армию, в том числе и члены моей семьи» (С. 6).

Однако, сколь бы симпатичными читателю ни были исходные интенции автора, книга в итоге обращает на себя внимание не поэтому. Следует выделить два ключевых момента, делающих ее интересной и важной не только в Республике Молдова, но и за ее пределами. Прежде всего, речь идет о самой тематике монографии, степень актуальности которой велика как никогда. Несмотря на то, что события и процессы, о которых идет речь, отделены от современности многими десятилетиями, ныне они находятся в центре внимания мирового сообщества. Теперь, когда с момента распада СССР прошли два десятилетия и в активную жизнь вступило целое поколение, не имеющее собственного опыта жизни в едином с другими постсоветскими народами государстве, можно говорить о завершении процесса, неког-

С. М. Назария. Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. Кишинев, 2012. 656 с.

да удачно названного В. В. Путиным «величайшей геополитической катастрофой XX века».

Отныне практическую возможность восстановления Советского Союза можно считать исключенной. Начинается завершающий этап геополитической «перелицовки» всей системы международных отношений. И переосмысление итогов Второй мировой войны, определивших место СССР в этой системе в послевоенный период, играет здесь ключевую роль. Стратегические цели сторонников ревизии устоявшихся оценок очевидны: возложить

на сталинский СССР ответственность за разжигание Второй мировой войны, сопоставимую с той, которая в настоящее время возлагается на гитлеровскую Германию. Достижение этой цели позволит не только поставить точку в ликвидации Ялтинской системы международных отношений (об «аморальности» которой применительно к СССР на Западе говорят все громче), но и приступить к следующему этапу реформирования постсоветского пространства, результаты которого затронут все государства, возникшие на территории бывшего СССР; и Республика Молдова не станет исключением из общего правила. В небольшой стране, легитимность самого существования которой ставится под сомнение значимой частью национальной элиты (так называемыми юнионистами, сторонниками объединения с Румынией) уже в силу связи оформления советской Молдавии с последствиями «преступного пакта Молотова—Риббентропа», это понимают достаточно хорошо.

Однако насущная актуальность тематики — далеко не единственная причина, выделяющая книгу С. Назарии в ряду

других трудов на означенную тематику. Обращает на себя внимание также чрезвычайная тщательность, проявленная в разработке проблем истории международных отношений указанного периода. Выводы автора строятся на основе анализа широкого круга источников (перечень см. С. 628—634). Прежде всего речь идет о неопубликованных документах из собраний Национального архива Республики Молдова (НАРМ), Архива Службы информации и безопасности Республики Молдова (СИБ РМ), Архива общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ), Текущего архива Ассоциации евреев Молдовы — бывших узников фашистских гетто и концлагерей, а также Центрального государственного архива Российской Федерации (ЦГАРФ). Далее следуют десятки сборников опубликованных документов — на русском и румынском языках. Автором привлечены практически все издания такого рода; при этом для российских коллег С. Назарии наиболее интересны данные, почерпнутые из публикаций материалов из фондов румынских архивов, малодоступных большинству отечественных специалистов по причинам лингвистического характера. Наконец, отдельную группу источников составляют мемуары участников событий, опубликованные преимущественно на русском и румынском языках.

Столь же тщательно исследователем учтена русско- и румыноязычная литература вопроса, включающая сотни наименований книг и статей (см. С. 634—655). Было бы преувеличением утверждать, что этот перечень является исчерпывающим: вне поля зрения остается значительный массив документов, опубликованных на английском, французском и немецком языках; при желании можно указать и на лакуны в разработке архивного материала. Однако не вызывает сомнения тот факт, что автор несомненно разбирается в ключевых вопросах внешней политики кануна и периода Второй мировой, в первую очередь — в рамках проблематики, связанной с советско-румынскими отношениями 1920—1940-х годов в самом широком историческом контексте. В связи с этим особое внимание привлекают такие разделы работы, как «Бессарабский

вопрос в международной политике» (см. Гл. 7. С. 181—245) и «Историографические дискуссии об участии Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии» (см. Гл. 10. С. 341—401) (подробнее о содержании этих разделов будет сказано ниже).

Хронологические рамки работы представляются достаточно обоснованными. Они охватывают период от последних лет Первой мировой войны (1917—1918 годы) — когда закладывались основы Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, несовершенство которой и стало основной причиной Второй мировой, — до 1945 года включительно, то есть до завершения глобального военного противостояния. В целом такой подход вполне укладывается в сложившуюся концепцию «эпохи войн и революций», в рамках которой события двух мировых войн и межвоенного периода 1918—1939 годов рассматриваются в едином комплексе.

Начав с предыстории Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, С. Назария дает развернутую характеристику ее ключевых черт и направлений дальнейшей эволюции (см. С. 19—44 и др.; 61—88). При этом особое (и вполне обоснованное!) внимание автор обращает на Октябрьскую революцию 1917 года, которая, наряду с Первой мировой войной, рассматривается им как начало «настоящего» XX века (в том смысле, о котором А. А. Ахматова писала в «Поэме без героя»: «...Не календарный — / Настоящий Двадцатый Век»). События, связанные с возникновением советского государства и местом последнего в системе международных отношений 1920-х годов, излагаются достаточно подробно (см. С. 7—13, 45—79, 97—104 и др.). В этом смысле 1917 год оказывается отправной точкой авторского анализа в двояком отношении: и как дата Октябрьской революции в России, и как время обнародования «14 пунктов» В. Вильсона, определивших многие ключевые черты будущей Версальско-Вашингтонской системы.

Но если начальная хронологическая граница периода, избранного Назарией в качестве объекта исследования, представляется более чем обоснованной, то завершающая (1945 год) все же нуждается

в некоторой дополнительной мотивации. С одной стороны, логика автора вполне понятна: год окончания Второй мировой традиционно (и далеко не только С. Назарией) рассматривается как дата окончания «эпохи войн и революций», хронологически «окаймленной» двумя мировыми войнами, что оговаривается уже в названии книги. Но вместе с тем не требует развернутой мотивации и тот очевидный факт, что несколько резкий «обрыв» изложения событий 1945 (а не 1946-м или 1947-м) годом не позволяет наметить перспективу развития процессов, вовсе не прервавшихся с окончанием Второй мировой.

Сегодня, по прошествии трех четвертей века, наивно повторять вымыслы о «взаимной ответственности» США и СССР за развязывание «холодной войны». Это отлично понимает и С. М. Назария, уделяющий особое внимание началу «атомной гонки» (см. С. 616). Он вполне обоснованно подчеркивает, что уже Квебекское соглашение августа 1943 года между Великобританией и США о сотрудничестве в области разработки ядерного оружия имело скрытый антисоветский контекст (см. С. 618), и начинавшаяся атомная эра изначально должна была стать эпохой противостояния, инициированного вовсе не сталинским СССР, потерявшим десятки миллионов своих граждан и утратившим треть национального богатства.

В этом смысле вполне обоснованным по содержанию, но несколько лапидарным по кругу затрагиваемых проблем представляется заключение, касающееся итогов Второй мировой войны, что видно уже по самому объему этой части книги (см. С. 622—626). Выполняя роль заключения *stricto sensu*¹, не только подчеркивающего решающую роль Советского Союза в разгроме нацистской Германии, но и справедливо оговаривающего тот факт, что «вне зависимости от вклада каждого участника антигитлеровской коалиции, победа над фашизмом является общим делом, и единство миролюбивых народов стало его причиной» (С. 626), этот раздел не содержит авторской точки зрения по такому важному вопросу, как конфигурация послевоенного мира. Между тем

именно итоги Второй мировой положили начало процессам, завершившимся лишь недавно (или не завершившимся до сих пор). Без констатации этого очевидного факта — пусть даже самой общей — анализ итогов самой страшной из войн, которые знало человечество, окажется явно неполным.

При желании можно указать и на некоторые другие недостатки монографии, в частности — на несколько ограниченное внимание к Восточному фронту Второй мировой; в последние годы, в том числе трудами китайских историков, в исследовании этого круга сюжетов были получены весьма интересные и значимые данные. Позволю себе, однако, заметить, что подобные недостатки работы являются прямым продолжением ее достоинств. И прежде всего не следует забывать, что книга написана молдавским историком, патриотом своей страны, одной из основных задач которого являлось определение вклада его родины в глобальные исторические процессы. Рассматривая Молдавскую ССР как часть Советского Союза, автор вместе с тем вовсе не склонен всецело «растворять» ее историю в истории огромного государства, частью которого являлась советская Молдавия.

В связи с этим наиболее интересными представляются разделы, при написании которых автор проявляет наибольшую компетентность. Прежде всего речь идет об истории Бессарабского вопроса (см. С. 181—245), детали которого мало известны значительной части специалистов по истории международных отношений межвоенного времени. На материале широкого круга источников и с учетом значительного круга литературы как на русском, так и на румынском языках, С. Назария исследует историю захвата Бессарабии монархической Румынией в январе 1918 года. Подробно рассматривая историю оккупации области, автор подчеркивает, что румынская правящая верхушка не только допустила прямую интервенцию против своего союзника по Антанте (события происходили еще до подписания Брестского мира), но и заручилась при этом поддержкой командования австро-германских войск. Показательно, что у румынского государства нашлось довольно

¹ В узком (собственном) смысле (*лат.*).

сил для захвата Бессарабии, но явно недостаточно для выполнения собственных союзнических обязательств перед Антантой: в мае 1918 года страна подписала сепаратный мир, который, впрочем, легко денонсировала с изменением обстановки на Западном фронте в ноябре того же года. При этом акт захвата Бессарабии прямо квалифицируется как аннексия, не получившая признания со стороны советских властей и негативно воспринятая значительной частью местного населения (см. С. 199, 203 и др.). Сделав вывод о несоответствии международному праву акта о «воссоединении» Бессарабии с «матерью-Родиной» (см. С. 204–206), Назария подробно рассматривает историю вопроса в контексте советско-румынских отношений межвоенного времени, вплоть до присоединения Бессарабии к СССР летом 1940 года (см. С. 219–245).

Еще одной частью работы, о которой необходимо сказать особо, является раздел об историографии истории участия Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии (см. С. 341–401; особенно см. С. 347–401). По понятным причинам, именно в этой части книги (см. Гл. 10) автор задействует значительную часть известных ему архивных документов, а также широкий круг опубликованных материалов. Шаг за шагом разбирая концепции своих предшественников, историк с документами в руках не оставляет камня на камне от аргументов сторонников «оборонительного» характера войны для Румынии диктатора И. Антонеску (А. Петренко, Г. Бузату, В.-Ф. Добринеску, И. С. Нистор и некоторые др.; см. С. 347 и далее). Тщательному анализу подвергается политика румынских властей на оккупированных территориях, включающая организованное истребление сотен тысяч мирных граждан Молдовы и Украины,

депортации еврейского населения Бессарабии и Буковины, создание сети гетто и концлагерей в Буго-Днестровском междуречье. Отдельное внимание уделяется истории холокоста молдавских евреев (см. С. 366–380) — «миссии», в ревностном исполнении которой Румыния мало уступала своему нацистскому союзнику; на этом фоне любые попытки оправдать холокост еврейского населения румынской армией и спецслужбами характеризуются не только как аморальные, но и как необоснованные с точки зрения исторических фактов (см. С. 393–400).

Исходя из этого С. М. Назария дает жесткую отповедь попыткам ряда молдавских и румынских историков (Г. Бузату, С. Дуйку, И. С. Нистор и др.) представить диктатора Иона Антонеску (1882–1946) «незапятнанным патриотом». Аргументированно опираясь на факты, автор показывает, что политический лидер, установивший жестокий авторитарный режим в Румынии, виновный в развязывании агрессивной захватнической войны и организовавший безжалостное истребление мирного населения на оккупированных территориях, не заслуживает снисхождения (см. С. 380–393).

В целом данные, приводимые С. М. Назарией, подтверждают печальную тенденцию: попытки представить «коммунизм» в качестве виновника развязывания Второй мировой войны, приравнять его к нацизму, противопоставить СССР «демократическим нациям» и обвинить его в оккупации Восточной Европы в конечном итоге неизбежно оборачиваются ползучей реабилитацией подлинных военных преступников. Именно поэтому тем, кто действительно заинтересован в корректной интерпретации истории самой страшной из войн XX века, нельзя позволять себе роскоши самоуспокоения. ◆